

The background of the cover is a photograph of a person's silhouette standing in front of a window with red and white striped curtains. The person is seen from the back, looking out the window. The lighting is warm, coming from the window, creating a strong contrast between the dark silhouette and the bright curtains.

**Лучше
бы я
завел
собаку!**

**Александр
Куревин**

18+

Александр Валентинович Куревин

Лучше бы я завел собаку!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65849054

SelfPub; 2021

Аннотация

Чудом уцелев после нескольких покушений, Василий Снигирев понимает, что везение может вот-вот закончиться, и единственный способ остаться в живых – найти того, кто находясь в тени, охотится за ним. Следует начать свою игру, перехватить инициативу!

Александр Куревин

Лучше бы я завел собаку!

От меня ушла жена. Не вынесла душа поэта! Хорошо, пусть не поэта – писателя. Ладно, не писателя – сочинителя детективных романов. Черт! Сейчас я начну думать, она правильно сделала, что от меня ушла!..

Из-за чего люди разводятся, известно. Один из супругов сражается со змеем с упорством Георгия Победоносца. Правда, с обратным результатом. Либо дела амурные. Он – ходок налево, или она вертит хвостом, и направо, и налево. Ничего подобного у нас не было. Все по кондовой формулировке: не сошлись характерами! «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», – сказал Александр Сергеевич Пушкин. Конечно, он не имел в виду цирк, где еще не такое проделывают. Наше с Зинаидой совместное житье довольно часто напоминало представление. Кто был в роли клоуна понятно.

До развода я считал, у нас мало общего. После расторжения брака выяснилось, что у нас много чего общего осталось. Дочь – само собой. Умница (вся в папу) и красавица. А еще – сонм знакомых, друзей и родственников. Родственников – особенно. О них-то и пойдет речь, а вовсе не о наших с бывшей супругой отношениях, как кто-то мог подумать...

Зинаида позвонила в самое мирное время, не было еще и восьми вечера. Не ночью, не ранним утром, когда от телефонной трели подскакиваешь в постели, и холодеет сердце. Потом слышишь в трубке нетрезвый голос: «Сашу можно?.. Как нет такого? А куда я попал?» – «Могу только объяснить, куда ты попадешь, если бухать не бросишь, придурок!..» Однако то, что бывшая жена сообщила, значения от этого не поменяло. Словно из пушки пальнула! Заставила, образно говоря, все мои мысли и чувства присесть на корточки.

– Тетя Галя погибла!

– Какая тетя Галя? – спросил я, хотя уже догадался, но боялся поверить.

– Наша тетя Галя. Мать Вики.

Тетя Зинаиды имела среди родственников прозвище «Галя-Биржа» за неуывдаемую предпринимательскую жилку в душе. «А почему «Биржа»? – спросил я, когда услышал впервые. – Биржа сама ничего не продает, только создает условия». – «А наша продает, – ответила супруга на мое «умничанье». Тогда оно ее еще не раздражало. – И создает условия».

В новейшей истории, чем только Галя-Биржа не занималась! Во время табачного дефицита торговала сигаретами, которые ей доставляла племянница, работавшая проводницей на железной дороге. Как пошел пивной бум – астраханской воблой, а дворовые пацаны сдавали ей за полцены со-

бранные порожние бутылки. Галя складировала их в дворничкой подсобке, у своей подруги, Пелагеи Петровны, по прозвищу «Пепе Длинный Чулок». Рост дворничиха имела гренадерский.

Когда посуды набиралось достаточно много, зять тети Гали, Борис, тогда еще капитан, подгонял военный грузовик, и пара сноровистых солдатиков загружала в кунг позвякивающие ящики, чтобы потом сгрузить их возле приемного пункта стеклотары.

Между прочим, хорошие деньги Галя-Биржа сделала в «МММ». Один умный человек вовремя посоветовал ей остановиться, и она не прогорела. Зато чуть не потеряла все «нажитое непосильным трудом» в жилищной пирамиде. Тут вмещались мы с Борисом. Вспоминая потом, как изображали «крышу» его тещи, мы долго угорали со свояком. Он раздобыл где-то спецназовскую форму – берет, берцы, все дела! А я, одетый в хороший серый костюм, махнул перед носом директора товарищества ксивой сотрудника ФСБ, купленной по случаю в московском подземном переходе. Директору напомнили, что пирамиды создавались для погребения фараонов. Он проникся и деньги вернул. А вот его секретарша, кажется, прятала улыбку. Была она такая девочка от ботаники, если смотреть сверху, – косичка, дымчатые очочки, белый воротничок, застегнутый до последней пуговицы. А если снизу – этакая секси в мини-юбке. Кажется, снимет сейчас свои очочки и такие штуки начнет вытворять, что уво-

дите детей от экрана!

Впоследствии директор скрылся в неизвестном направлении, и его секретарши тоже след простыл. Галя-Биржа, наблюдая толпу возмущенных вкладчиков перед закрытой дверью офиса товарищества, могла убедиться, что не зря накрывала поляну своей «крыше»...

Будь Галя-Биржа помоложе, из нее могла бы получиться преуспевающая бизнес-леди. У пенсионерки же все коммерческие начинания выглядели слегка комичными. Чего, например, стоила идея выращивать кур на лоджии девятого этажа? Галя спускала их в лифте во двор пастись, на радость городским детишкам, и лично охраняла от кошек и псов...

– Как это произошло? – спросил я Зинаиду.

– Упала с балкона.

– С лоджии? – уточнил я, вспомнив про куриц, много лет тому назад пошедших на супы.

Бывшая супруга давно перестала терпеть мое «умничанье», поэтому сразу взъерепенилась:

– Какая разница?!

Она умела сказать что-то резкое, после чего сразу замолчать. А я потом долго «обтекал».

«В данном контексте, пожалуй, что разницы никакой», – подумал я. Немного подышал носом и спросил примирительно:

– Что же случилось? Давление? Голова закружилась?

– Вроде не жаловалась, – совершенно спокойно ответила

Зина, и вдруг добавила: – Темная история. Пепе Длинный Чулок считает, что она... не сама.

– Вот как? А что милиция... то есть, полиция говорит?

– Несчастный случай.

– Ну, видишь. Все-таки возраст.

– Не знаю.

Мы помолчали, потом я припомнил:

– Лоджия вроде бы застеклена была? Когда там птичник работал.

– Я не обращала внимания.

Довольно продолжительное время после разговора с бывшей женой я просидел в задумчивости, пока не почувствовал, что желание скорбеть во мне пошло на убыль. Тогда открыл ноутбук.

С некоторых пор я заделался завсегдатаем сайта знакомств, благодаря Генке Панкратьеву. Не то, чтобы этот человек вообще оказывал на меня большое влияние. Он всего лишь являлся моим соседом. Однажды, когда после моего развода с женой прошло достаточно времени, он сказал:

– Тебе, Василий, надо завести женщину. Одному плохо.

– Одному плохо что? – решил уточнить я. Разговор происходил на лестничной площадке.

– Вообще.

– Знаешь, Гена! Завести, как ты выразился, женщину, еще постараться надо. А вот ей тебя завести, с полуоборота, при-

чем, — раз плюнуть.

Генка хихикнул, но я распалился и решил дать ему отповедь по полной программе.

— Вот ты, Гена, завел собаку, так? — Я посмотрел на Панкратьевского лабрадора, присевшего возле хозяина в ожидании, когда тот поведет его дальше, на улицу.

— Так, — согласился Геннадий. — Джеймс! — Он потрепал собаку по голове, — Ух, ты, моя песа!

Джеймс посмотрел на хозяина снизу вверх и вдруг тихонько гавкнул.

— Завел, теперь ты обязан о ней заботиться, кормить, играть с ней, выводить гулять, хочется тебе этого или не хочется. Да? Но, Гена! Женщина в этом плане гораздо хуже собаки! Я не говорю, что она громче лает. Ее нужно не только кормить, но иногда еще и поить. Шампанским. А, кроме того, — одевать, водить в театр и для этого — одевать особенно, поселить ее в квартире с евроремонтом, купить ей шубу, автомобиль и возить на отдых за границу.

— Если ты выложишь свою программу на сайте знакомств, от невест отбоя не будет! — оценил Генка.

«Если я обнародую такую программу, ко мне жена вернется, — подумал я. — А если бы я следовал этой программе раньше, она бы от меня не ушла. Но тогда я сам от себя ушел бы».

Вслух же сказал:

— Вот именно. Потому что любовь была хороша в юности,

когда доставалась на халяву и без обязательств... Иди, гена, гуляй с собакой! Не морочь мне голову.

Люся, жена Генки, завела собаку, чтобы муж «не лентяйничал на диване» по вечерам (в каком смысле, интересно?). Не растил пузо перед телевизором. Наивная женщина! Каждую вечернюю прогулку с Джеймсом Генка скрашивал двумя дополнительными бутылочками пивка, не щадя живота. Джеймс оказался на редкость спокойным псом – весь в хозяина. Не тащил за собой, не дергал. Насчет браков, заключаемых на небесах, меня собственный опыт заставил усомниться, а вот собак, похоже, нам выбирают именно там! Спросила бы меня Люся насчет породы, я бы посоветовал завести для ее мужа лучше родезийского риджбека. Летал бы Генка за ним на поводке, как водный лыжник за катером, и очень скоро у него пропал бы не только живот – вообще вкус к пиву! На бегу-то. Один такой собаковод жил возле моей конторы. Выводил пса на прогулку, а там разгуляться негде. Направо – дорога, налево – дома. А риджбек – такая крупная, длинноногая собака, которой надо бегать, бегать, бегать! Она и бегала. И хозяин малахольный за ней передвигался на поводке быстро-быстро-быстро!

Бравировав перед Генкой своей свободой, я, тем не менее, вспомнил впоследствии про его сайт знакомств в связи с собственными творческими начинаниями. Сев за написание нового детектива, решил, пусть мой главный герой будет па-

рень продвинутый, и познакомится с героиней через интернет. Чтобы достоверно рассказать читателю, как это случится, автору неплохо было бы самому понять, как люди находят друг друга в виртуальной реальности не для того, чтобы впарить какой-нибудь товар, – это сочинителю было известно, – а из романтических побуждений.

Найдя сайт, я заполнил анкету, нащелкал с десяток селфи, подражая волку из мультфильма «Ну, погоди!» – тогда и слова такого не было. Принялся активно выбирать невесту, – ведь кавалеры приглашают дам.

Дочь Варя углядела, чем я занимаюсь:

– Ты что, папа, решил себе фройляйн найти?

– Я подумаю над твоим предложением, – ответил я, – но пока – не себе. Своему герою. Надеюсь, разберусь, как это делается через сеть, быстрее, чем разобью чье-то сердце. И уж тем более – раньше, чем кто-то разобьет мое!

Мудрость «не зарекайся!» почему-то тогда не пришла на ум.

– Ну, ну! – Варвара, кажется, мне не поверила. Ну, а ее мать не поверила точно. И в тот же вечер позвонила:

– Решил найти себе молодую, красивую? – спросила Зинаида.

– Ты мне такую и желала, уходя, – напомнил ей.

– Ну конечно! – засмеялась бывшая супруга несколько наигранно, как мне показалось.

Я же продолжил путешествие по ярмарке невест. Оказа-

лось, весьма увлекательное занятие.

«Шел козел по лесу, по лесу, по лесу.

Нашел себе принцессу, принцессу, принцессу.

— Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем!

И ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем!» —

В голове крутилась детская, то ли песенка, то ли считалочка.

«Дрыгать» доселе было не с кем. У меня появилось несколько подружек, с которыми занимался ежевечерней болтологией, и только-то. Главная героиня, чувствовал, еще не найдена. А, хотелось бы.

Понимая, что Галю-Биржу в этот вечер из головы не выбросить, я все же вошел в виртуальную реальность. Нашел несколько новых сообщений в почте, выделил одно из них, увидел новое лицо. И – опля! Понял, что это она! Белокурая красавица смотрела на меня своими голубыми глазами с еле уловимой, то ли улыбкой, то ли усмешкой на губах. Будто знала обо мне что-то такое, чего я сам о себе не знал, как это бывает с героями индийского кино.

Не понимал, что она во мне нашла, написав первой? Возрастных категорий мы с ней были разных, я – постарше. Не красавец. Конечно, на зеркало пенять особых причин тоже не было. Глаза не косые (разве что, иногда бывало), нос не кривой, усы подстрижены ровно. А все-таки?..

Ее фото, судя по дате в уголке, не было выбрано из двух

сотен, накопленных за последние двадцать лет, как самое, по мнению его обладательницы, удачное. Оно было не просто свежим, а сделанным именно в этот день! Дама стояла, прильнув к столу, рядом с компьютером. Ее фигура была отнюдь не модельной – достаточно упитанной, но весьма пропорциональной, как у героинь того же индийского кино.

Ее сообщение ко мне содержало единственный вопрос. В прямом смысле. Знак вопроса, набранный крупным шрифтом, чтобы я его не пропустил на пустой странице. Конечно, это был плагиат. Я знал о самой короткой в истории переписке – Виктора Гюго со своим издателем по поводу оценки романа «Отверженные». И ответил соответствующе, знаком восклицания, имея в виду собственную оценку внешности своей новой собеседницы. Моя красавица находилась онлайн, судя по зеленой фишке, и тут же написала: «Тамара». Хоть имя я прочитал ранее в ее анкете, но у нас пошел диалог. Я тоже представился: «Василий Снигирев». Поскольку после этого замолчал, как дурак, она спросила: «И?...» Я спохватился: «Приглашаю на свидание! В воскресенье, в полдень, на площади Минина и Пожарского, у кафе «Олень». Тамара ответила: «Согласна». И зеленый огонек погас. Она вышла из сети.

Я все смотрел на ее фото и дивился своему везению. Девушка мне кого-то напоминала. Актрису? Девчонку из параллельного класса? «Лицо» известной парфюмерной компании? Не понять.

Заниматься болтологией с прочими виртуальными подружками в этот вечер уже не хотелось, и я выключил компьютер. Только тут хлопнул себя по лбу! Какое воскресенье?! Какой полдень?! В воскресенье, в полдень, я должен буду провожать в последний путь Галю-Биржу! Свидание требовалось сдвинуть. Истинную причину называть не хотелось, вдруг девушка суеверна? Подумает, плохая примета. Написал абстрактно про открывшиеся обстоятельства. Извинившись, предложил перенести встречу на вечер понедельника.

Боялся, а вдруг она до воскресения не заглянет больше на сайт знакомств? Однако посмотрев почту еще раз перед сном, убедился, что мое письмо прочитано. Тамара написала: «Бывает», – и согласилась на перенос свидания. Очевидно, она не считала, что понедельник – день тяжелый.

Когда мы с дочерью в воскресенье добрались до нужного дома, увидели траурную толпу перед подъездом, к которой еще стекались люди. Галю-Биржу многие знали.

Увидев близкую подругу покойной, Анну Спирину (отчества я не помнил), двигавшуюся сквозь народ к подъезду, я решил держаться ее. Потянул за собой Варю. Тетя Галя называла Спирину «Аспириновной» за то, что та часто хворала, а вот поди ж ты! Аспириновна будет «хворать» еще лет двадцать (дай ей бог здоровья), а той, что над ней подтрунивала, больше нет. Я почувствовал, как к горлу подступил

КОМОК...

Вместе с Аспириновной мы с Варей поднялись на девятый этаж. Выйдя из лифта, увидели на площадке серьезных мужчин и лишь единственную женщину – мою бывшую супругу, Варькину мать. Когда я на ней женился, Зинаида была маленькая и тоненькая, как Дюймовочка. Росту с тех пор она не прибавила, а некоторое количество килограммов – таки, да, как сказали бы в Одессе, откуда родом моя мама.

– Привет! – сказала нам с Варей ее мама.

– Привет! – хором ответили мы.

Почему-то за время, прошедшее после развода, Зинаида ни разу не приснилась мне. Надеялся, что я ей – тоже. Иначе, что бы она увидела? Мою спину, склонившуюся над письменным столом? А если бы она услышала во сне мой голос, то голос наверняка попросил бы ее сделать телевизор потише. Если бы Зина приснилась мне, то, конечно, сидящей перед телевизором, по которому идет ее любимое ток-шоу «Вече», где люди стараются не просто говорить о наболевшем – кричать! Причем, главное перекричать друг друга...

– Ну как вы? – спросила Зинаида, ощупывая цепким материнским взглядом своего ребенка, – достаточно ли пушистый?

– Нормально, – ребенок смотрел на свою мамашу сверху вниз с иронией. Улыбнуться шире ребенку не позволяла обстановка.

Я решил не мешать разговору мамы с дочкой, которые

давно не встречались, – аж со вчерашнего вечера! – и прошел вперед. Тем более что видеть меня со спины Зинаиде будет привычнее, подумал.

К сожалению, из-за заминки с экс-супругой, я потерял из виду Аспириновону, которая, сама того не зная, нас вела. Зато увидел Вику, двоюродную сестру Зинаиды. Чуть не брякнул, что черное платье ей идет! Только тут до меня дошло, что именно Вике мне и предстоит выражать соболезнования! Кому же еще? Ведь она – дочь Гали-Биржи.

Я испугался, но тут же взял себя в руки. Подумал, что это не тот случай, когда надо бояться. Да уж! А бояться, конечно, было от чего.

Не так давно Вика заявила ко мне под тем предлогом, что записалась лечить зуб в поликлинике, расположенной в соседнем доме, а там очередь. Не хотелось ей сидеть в гнетущей обстановке.

– Надо же! – сделал я ей комплимент, принимая беленькую шубку. – Никогда бы не подумал, Вика, что у тебя может болеть зуб. Что от твоей улыбки заболит у какой-нибудь завистницы – другое дело.

Вика тут же мне эту свою улыбку и подарила. Она была в странноватом, для посещения стоматологической поликлиники, наряде: в мини-юбке, в прозрачных капроновых чулках и коротких сапожках на высоком каблуке.

– Кофе? – предложил я. Вика знала, что кофе я завариваю

исключительный.

– Не плохо бы.

Пока возился с туркой, отметил боковым зрением, что Вика за моей спиной ходит туда-сюда. Подумал, зубного врача боится.

Приняв чашку, она перешла в гостиную. Мне пришлось проследовать за гостьей. Пока пили кофе, вели светскую беседу. Мне показалось, Вика и сама болтает что попало, и меня тоже почти не слушает. Вдруг она спросила:

– Ну а как ты вообще живешь, Василий Снигирев, один? – Она поднялась с кресла, в котором сидела.

– Нормально, – выдал я самый остроумный на свете ответ. И добавил: – Стал чемпионом своей квартиры по выполнению комплекса ГСУ (готовка-стирка-уборка). Варваре за мной не угнаться.

– Жалеешь, что с Зиной развелся? – Задавая этот вопрос, Вика вдруг уперлась ногой в диван, на котором я сидел, и посмотрела мне в глаза сверху вниз. Решила поиграть в следователя, что ли? Я невольно скосил глаза на ее ногу в прозрачном чулке, по которой юбка, и без того «символическая», еще дальше уползла вверх. Нога мне понравилась, но я постарался на нее больше не смотреть. Не стал отвечать, что это Зина со мной развелась, а не я с ней. Решил отшутиться:

– Все ночи провожу теперь в слезах и раскаянии.

Вика подняла повыше подбородок, смирив меня оценивающим взглядом и внезапно отколола такой номер: сделав

упор на ногу, которой я залюбовался, встала на диван во весь рост, так, что мои колени оказались между ее длинных ног и, уперев руки в боки, посмотрела на меня с видом победительницы. Я не успел сообразить, что означает сей акробатический этюд, лишь пропищал шутовски, испуганно:

– Зачем же ты через меня переступила? Теперь больше не вырасту!

– Еще как вырастешь! – С этими словами Вика уселась верхом на мои колени и мягко и властно впиалась своими губами мне в губы так, будто ее прадедушку звали не Иван Петрович (или Иван Сидорыч), а граф Дракула!

– С ума сошла?! – оторвал я ее от себя.

– А что, нельзя? – Она снова обвила мою шею руками. – Нельзя с ума сойти? – прошептала в самое ухо и опять принялась целовать.

И что мне оставалось делать? Брыкаться, как девочке? Совершить голодного мужика – дело нехитрое. Чтобы не потерять лицо, пришлось брать инициативу в свои руки. Я перевернул совратительницу на спину, вдавил ее плечи в диван и спросил:

– Ты уверена?

– А то! – Она дунула на прядь своих волос, упавших на лицо...

Когда Вика удалилась, я попытался истолковать, что это такое было? Дать морально-нравственную оценку случившемуся. И понял, что это – бардак! Меня просто изнасиловали!

Ладно, хоть будет, что вспомнить на старости лет, как той бабушке, что пережила налет...

Виктория же на этом не успокоилась и, позвонив мне через несколько дней, призналась, что у нее... опять болит зуб!

– Нет! – захрипел я в трубку, подражая одному из любимых артистов. – На это я «пойтить» не могу! Я не стоматолог!

Вика заржала, как дурочка, и дала отбой. А потом мы встретились с ней у Зинаиды. Улучив момент, когда ее сестра оставит нас наедине, коварная свояченица приставила ладонь к щеке и выразительно посмотрела на меня, – мол, болит! Я переменялся в лице, а она расхохоталась. Она издевалась надо мной! Она звонила, предлагала встретиться, но я отказывался. Кажется, Вика в итоге оскорбилась. Что за дела! У нее, черт возьми, есть муж! – думал я. Что, если Боря узнает? Нет, я не столько мордобоя боялся, сколько выглядеть идиотом. Ничего подобного в отношении Вики у меня никогда прежде и в мыслях не было. Она же почти родственница!

А если узнает Зинаида? Еще посчитает, что я таким способом решил ей отомстить! А при чем тут я?..

Раскрыв для Вики соболезнуюющие объятия, я ощутил под своими ладонями ее упругие плечи, вспомнил, как вдавливал их в свой диван, и неожиданно испытал вовсе не благочестивое волнение. Вот идиот!

Оставив Вику, прошел в зал, где находился гроб – к счастью, закрытый. И это добавляло таинственности уходу из жизни Викиной матери. Представить себе плутоватую, жизнелюбивую Галю-Биржу неживой я не мог.

Под стеной, на диване и стульях, сидели знакомые. Я узнал свою бывшую тещу. Впрочем, тещи, – полагал я, – как и сотрудники КГБ, бывшими не бывают. Тем более, что с ее дочерью мы продолжали интеллигентно дружить, подражая нашим «звездам». «Звезды», они там все в своей тусовке – бывшие мужья, жены. Дети общие бегают. Так сразу, наверное, и не вспомнить, кто чей ребенок... Отметил среди сидящих в «карауле» у гроба еще лошадиное лицо Пепе Длинный Чулок, возвышающееся над остальными. Кивнул, одними губами прошептал: «Здравствуйте». Посмотрел в молчании некоторое время на полированную крышку гроба, соблюдая приличия, и вышел, уступая место иным желающим проститься.

Через чье-то плечо узрел в кухне Бориса. Подавил желание кинуться к нему, чтобы потрясти руку так, словно по-прежнему являюсь для него славным свояком, а не пособником его супруги в наставлении рогов. Узнай такое Борис, он сам, наверное, захотел бы согнуть в бараний рог если не меня, то свою супругу. А скорее всего – обоих.

Боря на вид был еще в форме, хотя и слегка располнел. Сказывалась спокойная жизнь, очевидно. Прежде он то и дело мотался по командировкам, в том числе и на Северный

Кавказ. Нет, не воевал. Доставлял технику и пополнение. Но Вика все равно волновалась. Какой тогда была Чечня!

Выйдя в отставку, Борис устроился инженером в речной порт. Зимой там работы почти не было, платили копейки. «Двушку» на окраине, которую ему повезло получить перед дембелем, сдавал студентам в наем. Еще капало немного.

Вика зарабатывала побольше супруга в своем автосалоне, являющемся дилером всех на свете производителей четырехколесных коней, в котором она занимала должность менеджера по персоналу. Поэтому она играла первую скрипку в семье. Но тоже была вынуждена прогибаться перед матерью, поскольку жили они с мужем в ее квартире. Их сын Леха проживал отдельно от родителей со своей девушкой. Брак пока не регистрировали. Жениться без «испытательного срока» нынче стало неприято. Оно, конечно, разумно, – считал я, – но несколько унижительно для девушки. Ей приходится притворяться, будто не хочет замуж. Тогда как любому ясно, девушка, которая не хочет замуж, это так же невероятно, как солдат, который не хочет девушку...

Я лишь скупно кивнул Борису, и он кивнул в ответ. Не стал пробираться к нему, повернул в другую сторону и присоединился к своим.

Подумал, что теперь Борис и Вика смогут, при наличии доброй воли, поменять Борисову «двушку» на окраине и Галину «трешку» в верхней части на весьма приличное современное жилье. Подивился своим рациональным мыслям. О

чем это я? Человека не стало!

Сразу переключился на воспоминания. Как шумно и весело бывало в этой, Галиной, квартире, нынче заполненной притихшими людьми, по праздникам! Хоть Галя умела все организовать так, чтобы самой не очень тратиться, кто на это тогда обращал внимание? Хорошее было время. Полно детей, которые вечно на мне висли. Сказывался опыт. Будучи студентом, я несколько смен отработал вожатым в пионерском лагере. Биржа, которая всем давала прозвища, называла меня «Усатый нянь». Какая Варя тогда была маленькая и смешная!

Выросшая, но для отцовского взгляда не менее забавная Варвара, едва забежав после поминок домой, поспешила дальше, к друзьям и приключениям. Я же был обречен сидеть в пустой квартире. Быть может, кто-то когда-то тихонько прошептал мне в спину: «Чтоб тебе пусто было»? С большой долей вероятности я мог бы даже предположить, кто именно это сделал, если вспомнить, кому чаще других доводилось видеть мою спину. Этот человек, в общем-то, сам и сделал первый шаг к тому, чтобы его слова сбылись. Шаг – в прямом смысле.

К счастью, помимо ушедшей жены, у мужчины еще остаются соседи. Хоть время коммунальных квартир миновало, значение соседей преуменьшать не стоило бы, – считал я. В отличие от супруги, соседи никуда не уходят. И, хотя неко-

торых порой хотелось бы послать очень далеко, это никак-го отношения не имело к Генке Панкратьеву, который часто спешил мне на выручку. Он же и постарался, чтобы мое жилище не было совсем уж пустым.

Видя, что я решительно не хочу «завести женщину», Геннадий, в стремлении скрасить мое одиночество, зашел с другой стороны. Однажды, позвонив в дверь, он предстал моим глазам с маленьким серым котенком в руках.

– Смотри, Василий! – сказал Генка.

– Гена, – прищурился я, – да тут смотреть практически еще не на что.

– Не возьмешь себе? – спросил сосед. – Жена подобрала из жалости, а у нас собака.

Я внимательно осмотрел чудо природы со всех сторон, и, рассудив, что еще одна живая душа, не считая телевизора, в доме не помешает, решился:

– А что? Возьму! Назову его Валентином. Кратко – Валя. Потому что котик.

– В честь пионера – героя? – догадался Генка.

– Ну, естественно, не в честь дня влюбленных. Это не мой праздник! Не говоря уже о том, что не наш. Вот если учредят всемирный день пессимиста и мизантропа – другое дело...

Валя Котик оказался уникальным сторожевым котом! Едва заслышав чужие шаги на лестничной площадке, мчался в прихожую со злобным урчанием. Словно на дворе март месяц, а за дверью – соперник. Варю же узнавал безошибочно

еще до того, как она вставляла ключ в замок. Молча прыгал на полку под зеркалом и замирал на ней, будто игрушечный.

Именно так он и повел себя в понедельник вечером, когда я собирался на свидание с «девушкой из компьютера».

«Свои», – подумал я, видя, как Валентин молча протрусил в прихожую, хвост трубой. Провернулся ключ в замке, открылась дверь и на пороге возникла Варвара Краса Длинная Коса. За плечами, на манер рюкзака, – гитара в чехле. Над головой торчит гриф, точно заячьи уши. Вопреки обыкновению, на Котика она даже не посмотрела. Я заметил, что дочь какая-то поникшая.

– Папа, у нас такое! – воскликнула она. – Двоих пацанов убили, представляешь? Пашку Бугрова и Мишку Вахрушева. Застрелили прямо у Мишки дома. А еще – собаку Мишкину, овчарку.

– Ничего себе! – неподдельно ужаснулся я, хоть и слышал названные имена впервые. Варя моя была человеком суперкоммуникабельным. В ее друзьях-приятелях состояла половина города. Или больше. Если мы выбирались вместе на «Покру» (Большую Покровскую), Краса то и дело кому-то махала рукой, кричала: «Привет!». Отходила от меня, чтобы обняться с музыкантами, развлекающими прохожих на нижегородском «Арбате», расцеловаться с художницей, выставляющей свои картины на пешеходной улице...

– Кто же их, за что?!!

– Неизвестно. Вероятно, грабители. И денег-то немного

было. Унесли ноутбук, планшет, видеокамеру... Пашку я буквально пару дней назад видела в нашей тусовке на Музее района. Хвастал новым смартфоном. Всех снимал. Родители на день варенья подарили, – по щеке Варвары покатились слеза. – А к Мишке мы с Наташкой раньше постоянно на репетицию ездили, в ДК Чехова, попеть, поиграть. Пацаны там студию снимают... – Дочь не выдержала, разрыдалась и скрылась в ванной. Я взял гитару, оставленную ею в прихожей, и отнес в комнату. Что творится?! – думал...

К счастью, когда Варя вышла из ванной, ей на трубку позвонила однокурсница и заняла разговором по учебе. Когда Краса его закончила, обратила внимание, что я принарядился.

– Папа, а ты куда? – заинтересовалась она.

– Знакомиться с будущей героиней романа, – усмехнулся я.

– Ах вот как? С героиней романа? Что вы говорите! – Ни одной ироничной нотки не послышалось в голосе Варвары Красы Длинной Косы, дочери своего папы.

– Главное, чтобы вы ничего не говорили. Сами знаете, кому. Люди, далекие от творчества, которые не играют на гитарах, не пишут картин, не сочиняют романов могут не понять... А впрочем, как угодно! – закончил я. Мол, вся ответственность за непонимание в таком случае будет лежать на том, кто проболтается.

С тем я и убыл. Хоть настроение вовсе перестало быть

авантюрным после дикой новости Варвары, но отказываться и переносить встречу с Тamarой во второй раз было бы совсем некрасиво, да и некогда. Я итак уже опаздывал.

Я появился у кафе «Олень» с десятиминутным опозданием. Хорош, нечего сказать! «Девушка из компьютера» была уже на месте. Я узнал ее. Подумал: «Да-а! На три-де-принтере такую не напечатаешь!»

Я вдруг отметил, что вечернее небо нынче ясное, воздух прозрачен, и от того кажется, будто фонари на улицах зажглись прежде времени. Словно – ранняя весна, а не середина зимы.

– Здравствуйте, Тамара! Я опоздал. Знаю, нет мне прощения! Ни слова не скажу о пробке, если только это не пробка от бутылки шампанского. Готов искупить свою вину! Это вам. – Я вытащил из-за спины и протянул ей маленький букетик.

– Спасибо. Я вас прощаю. Еще неизвестно, сколько бы вам пришлось меня ждать! Но я тут живу неподалеку и пришла пешком.

Я отметил про себя то, что она сказала. В районе площади Минина и Пожарского раньше жили люди не простые, а теперь – не бедные. Некоторые, наверное, так в кремле и работают, как их родители. Династии бывают не только у артистов цирка, в администрациях тоже. Еще неизвестно, где больше нужны свои.

– Позвольте пригласить вас в кафе? – Я старался, чтобы голос мой звучал уверенно.

– Выпить на брудершафт и перейти на «ты»? – спросила она, словно знала наизусть мою программу. Ее голос волновал и мешал моему звучать уверенно.

– Это будет логично. На сайте знакомств не встретишь ни одного мужчины, ни одной женщины, не говоря о бабушках и дедушках. Только «парни» и «девушки» от шестнадцати до восьмидесяти и старше. Чего же важничать?

– Не получится, – виновато втянула голову в плечи Тамара, – кафе закрыто. По техническим причинам. Там объявление.

– Как это по-нашему! – воскликнул я. Задумавшись на секунду, предложил:

– Есть запасной вариант. Одно кафе, которое точно открыто. Ехать – пять минут, если не попадем... Но я обещал о ней не говорить. Я тут машину недалеко припарковал.

Мы пошли рядом. Честно говоря, у меня дух захватывало от красоты «девушки из компьютера» при каждом взгляде на нее. Кто это совсем недавно выражал иронию по поводу разбитых сердец? Кто гордился свободой, говорил, что День святого Валентина – не его праздник? Кто считал, что писать интереснее, чем жить?.. – мысленно задавал себе вопросы.

Увидев мой джип, Тамара оценила его по достоинству:

– Какой... м-м-м... brutальный автомобиль!

– Машина всегда похожа на своего хозяина. Вы разве не

замечали?

– Так говорят о собаках! – рассмеялась она. – Собака похожа на своего хозяина!

– Автомобиль еще больше, – заверил я ее. – У меня жил пес. А теперь я завел кота. И знаете, у него оказались отменные сторожевые качества!

Я рассказал Тамаре о таланте Валентина непостижимым образом отличать своих от чужих через закрытую дверь. Непринужденно болтая, мы доехали до моей работы. Нет, в офисный центр заходить я не собирался, боже упаси! С торца к нему прилепилось кафе, которое внутри было просторнее, чем казалось снаружи. Я рассказал Тамаре, что с тех пор, как живу сам по себе, завтракаю здесь по будням. Иногда и обедаю. А вот вечерами, когда музыка играет, и заходят пары, бывал от силы раз пять.

Когда мы подошли к заведению, мимо пронесся рыжий риджбек с хозяином на поводке.

– Это местная достопримечательность, – объяснил я. – Африканская порода, охотник на львов. Только не спрашивайте меня, откуда у нас львы, иначе придется произносить избитую шутку про Льва Абрамовича, Льва Моисеича и моего компаньона по работе, Васю Голобородова, который лишний раз тут тоже старается не маячить, потому что по гороскопу – лев.

– Энергичная собачка, – оценила моя спутница.

– Гиподинамия ее хозяину не грозит, – согласился я. Мы

вошли внутрь кафе.

– Может, сюда? – указал я на свой любимый столик в углу. – Прошу! – чуть отодвинул стул для своей дамы. К нам приблизилась хозяйка, сама обслуживающая клиентов, – фигуристая армянка Лия. Полагал, что кафе было названо «Амалия», конечно, ее супругом в честь нее. Сам он трудился здесь поваром.

У семейной пары, содержавшей кафе «Амалия», работала еще молодая девушка – Зара. В редкие минуты, когда она не была в движении, а просто выходила в зал передохнуть, можно было заметить... нет, не так. Невозможно было не заметить, что у нее – прекрасные зеленые глаза. Мой компаньон Голобородов как-то на пирушке признался, что влюблен в нее. Я пообещал не говорить этого его жене... Продукты и все необходимое доставляли в кафе, то ли сыновья, то ли племянники хозяев. Словом, семейный бизнес...

Лия держала в руках меню в отделанной бархатом папке с золотыми буквами.

– Ва-асилий Сергеевич! Ка-акая приятная неожиданность видеть ва-ас в это время!

Если коренные нижегородцы заворачивают в разговоре на «О», москвичи – на «А», то Лия со своим растянутым «А» и москвичей заткнула бы за пояс!

– Решил показать моей спутнице, Лия, где можно уютно посидеть и вкусно покушать.

– Пра-авильно, пра-авильно. Вот, пожалуйста. – Она про-

тянула меню. Я предложил меню Тамаре.

– Хотите спросить, вино какой страны я предпочитаю в это время суток? – улыбнулась она. – Увы! Я совсем не пью. У меня итак буйная фантазия, чтобы еще взвинчивать ее алкоголем. Так что, выбирайте сами.

– Ну, нет. Я еще не дошел до того, чтобы пить одному. Хотя машину можно было бы оставить возле офиса и уехать на такси... Ударим по соку? Мы ведь должны выпить на брудершафт?

– Это, конечно. – Тамара раскрыла меню, но тут же оставила его.

– Было время, когда я могла выпить, – призналась она, – и даже много. Даже одна... Но, это было раньше. Жизнь была другая. Времена изменились. Жизнь понеслась вперед. Некогда пить. Пить крепкие напитки, курить табак – старомодно. Это удовольствие для стариканов, которые так и не смогли найти себя, и теперь выпали из жизни.

– Категорично! – оценил я ее заявление и, машинально посмотрев в сторону, увидел собственное отражение в темном окне. Накрыв ладонью нижнюю часть лица, поглядел на Тамару круглыми глазами и, отняв руку, спросил:

– Мои усы, вероятно, тоже старомодные?

– Старомодные, – подтвердила Тамара с сожалением.

– А ведь я чувствовал это! – с видом только что прозревшего заключил я. – Пожалуй, придется усы сбрить, – добавил, то ли в шутку, то ли всерьез, сам еще не понял. Не про-

шло и полутора часов, как День святого Валентина вдруг перестал быть для меня чужим праздником, а я уже, кажется, готов был совершать безумства. Усы я носил столько лет! – некоторые столько не живут...

Вдруг поняв, откуда выскочила эта шутка, которую, слава богу, вслух не произнес, мысленно обозвал себя дегенератом. По телевизору, экран которого светился за барной стойкой, как раз пошли нижегородские новости. Поскольку Тамара, пока Амалия выполняла наш заказ, отправилась «припудрить носик», я наострил уши. Говорили про жестокое преступление в Щербинках. Три выстрелами неизвестный преступник убил двух школьников одиннадцатого класса и собаку одного из друзей у него же на квартире. Соседи – пенсионеры и молодая мать с маленьким ребенком – не слышали выстрелов, хотя преступление, по выводам экспертов, было совершено днем. Мотив убийства пока не ясен. Рассматриваются различные версии, от ограбления до профессиональной деятельности отца одного из юношей. Тот является депутатом областного законодательного собрания...

Я, честно признаться, ничего не понял. У сочинителя детективных романов Василия Снигирева возникли вопросы. Для простого грабителя преступник (если он был один) слишком хорошо стреляет. Три выстрела – три трупа. Собака вряд ли была обучена, одно название «служебная», но все равно в нее еще попасть надо так, чтобы наповал. Иначе соседи услышали бы жуткий вой! А они не слышали ни воя, ни

также и выстрелов. Значит, пистолет был с глушителем. Стало быть, работал профи. Из квартиры что-то пропало, говорила мне Варя. Но, наверное, залезли не за этим все же. Если хотели свести с ума отца – депутата, то, причем тут второй ребенок? Такие вещи тщательно планируются. Да и депутат, судя по всему, рядовой, не глава комитета какого-нибудь, иначе бы сказали. Что от него зависит?.. Странное преступление! И что какая-то шпана залезла наудачу тоже не скажешь, при такой-то меткости!..

Тамара вернулась, я чуть позже, чем следовало, оторвался от телевизора.

– Что-то интересное? – спросила она.

– Совсем неинтересное! Извините. Говорят про тройное убийство – двух подростков и собаки, о котором я слышал сегодня от дочери. Там погибли ее знакомые.

– Какой ужас, – сказала Тамара, при этом, не пропустив мимо ушей самого главного, – что я жених с прицепом. – Сколько лет дочери? – спросила она, помолчав.

– Достаточно для того, чтобы считать себя умнее отца. Двадцать. А у вас есть дети?

– Сын. Но, он живет не со мной. Так уж вышло.

– Прошу прощения... Я тоже вижу дочь лишь изредка, – поспешил сгладить я неловкость...

Лия принесла наш ужин. Я поднял бокал абрикосового сока.

– Хочу выпить за вас, Тамара и за... интернет! Если бы не

«паутина», наше знакомство не состоялось бы. Увидев вас на улице, ни за что не решился бы первым заговорить. Я не настолько самоуверенный тип... – Мой слегка развязный тон должен был изобличить во мне волка, который прикидывается овечкой, но, не слишком заботясь, чтобы ему поверили. – На брудершафт?

Улыбаясь друг другу, мы переплели руки. Выпив сок, я быстро поцеловал ее в уголок губ и, поскольку усы были еще при мне, кажется, уколол. Тамара уставилась на меня. Похоже, брудершафт в ее понимании не должен был заходить так далеко, хотя... Я поковырял в тарелке вилкой, делая вид, будто мой поцелуй – не более чем дань традиции. Так поздравляют с днем рождения или Восьмым марта... Почувствовал, что Тамара по-прежнему смотрит на меня. Подняв глаза, увидел, что она смеется.

– Вы упорно не хотите меня узнавать, Василий Сергеевич! – сказала она.

– Мы же теперь на «ты»... – начал было я, пока дошло, что она сказала. – А мы разве встречались? – У меня тотчас возникло ощущение, что попал впросак.

– Неужели я так изменилась? Я – Тамара Кошелева, физорг второго отряда. Помните лагерь «Дружба» от «НИИПрода»? Вы были у нас вожатым. Пели песню: «Вас, девчонки, съела моль!»

Я почувствовал, что стремительно лечу в другой мир: летний, солнечный, зеленый и радостный!

– Томка-Котомка!!! – воскликнул я. Вот, почему ее лицо казалось мне знакомым!

– Ну, наконец-то! – рассмеялась она. – С вашей легкой руки меня так и прозвали в отряде. Я же должна была проводить утреннюю зарядку, вот и таскала за спиной этот рюкзачок со скакалками да мячами. И фамилия подходящая...

Ее выбрали физоргом отряда, поскольку занималась художественной гимнастикой. Какой она была тоненькой, худенькой тогда! Но девчонки ее слушались, она умела найти подход. Пацаны – тоже, хотя и с подначками. Томка была симпатичной девчонкой. Даже маленькая должность – это маленькая сцена, то есть человек все время на виду.

– Ты выросла за лето! – отметил я.

– Ха-ха-ха! Сколько их прошло, лет?..

Вот теперь все встало на свои места. Сделалось понятно, почему вообще красавица написала мне. Узнала бывшего вожакого!

– У меня слова той песенки долго звучали потом в голове, – призналась Тамара. – «Моль – это маленький букашка. Моль – это маленький зверек. Где ни сядет, всюду тянет, всюду жрет!» В тебя были влюблены все девчонки отряда.

– Ну, это ты загнула! – не поверил я.

– Правда, правда! Но ты замечал лишь Зинаиду, младшую пионервожатую. Она мучила тебя, мы видели. Вы все время спорили с ней... Интересно, где она сейчас?

– В общем-то, неподалеку. Мы спорили еще восемнадцать

лет, но, почти два года назад развелись.

– О как! – весело воскликнула Тамара. – То есть, я хотела сказать: «Извини».

– Да хоть сто раз! – Я беспечно махнул рукой. – А ты замужем?

– Была. Тоже в разводе.

– Даже боюсь спрашивать, что стало с тем несчастным, которого ты оставила?

– Нет, это он меня бросил.

– Он что, сумасшедший?

– Сумасшедшая я. Я же говорила, даже пить не требуется. Кипит мой разум возмущенный!

Углубляться я не решился, хотя чувствовал себя теперь совершенно раскованно, обнаружив в лице незнакомки из интернета свою бывшую подопечную. Жаль было только, что одним этим вечером, очевидно, все и закончится, – думал. Она узнала меня на сайте знакомств, захотелось встретиться, повспоминать. Сразу не призналась, сохранила интригу. Молодец!

Мы прекрасно провели время. Но, что будет дальше?.. – гадал я. Точнее, будет ли что-нибудь дальше? Сам себя я сравнивал мысленно с безумным бухгалтером, все пытавшимся подсчитать выгоду от... весны. Выходило – вздорное время года. Зачем оно? А когда пришла весна, калькулятор выпал из рук...

Я довез Тамару до подъезда. Сталинский дом на улице

Минина, примыкающей к одноименной площади, производил впечатление.

– Вот здесь я и живу, – указала Тамара на свой подъезд. Мне хотелось спросить, с кем, но я лишь произнес:

– Скромненько и со вкусом.

Она хмыкнула и приложила ключ – «таблетку» к домофону. Раздался тонюсенький писк, не солидный для такого фундаментального здания. «Гора родила мышь», – подумал я. Кажется, это относилось ко всему вечеру в целом.

Я боялся, что за романтическим понедельником меня ожидает скучная трудовая неделя, но все оказалось иначе. Позвонил Феликс, наш оригинальный партнер из Николаева.

Фирма, в которой я работал, когда-то была самой настоящей – несколько учредителей и человек тридцать персонала. От кризиса к кризису она таяла, точно шагреневая кожа, пока нас с Голобородовым не осталось всего двое – хозяев и работников в одном лице. Плюс главный (и единственный) бухгалтер, работающий на дому. Документы ходили по электронной почте. Милости просим в двадцать первый век!

С компаньоном бизнес мы строили нынче чрезвычайно просто. Тупо забили склад китайской конструкционной пластмассой, завели собственный сайт и по очереди ездили на базу, расположенную в пяти минутах от офиса, где арендовали ангар, отпускать товар, если находились покупатели. Когда склад наполовину пустел, заказывали в Поднебесной

новую партию и ждали прихода контейнера, чтобы заняться «растаможкой».

Кроме контрагентов из Китайской народной республики, у нас имелся еще один поставщик, живущий на братской Украине, этот самый Феликс. Бывший снабженец большого завода, он теперь промышлял пластмассовыми неликвидами. По старым связям добывал их всеми правдами и неправдами. Для нас закупать неликвиды выходило еще интересней, чем таскать пластмассу из Китая. К сожалению, коммерческие предложения Феликса не были регулярными, но, коль скоро они появлялись, грех было отказываться.

Когда на утро, наступившее после романтического ужина, я, после хорошей зарядки в спортгородке, контрастного душа и вкусного завтрака в кафе у Амалии появился в офисе, Голобородов обрушил на меня радостное известие: «Феликс проклюнулся». Сообщая эту новость, коллега и, к тому же, – тезка, Василий Голобородов посмотрел на меня заискивающе. Очередь ехать в командировку была его, но у него на носу висел день рождения младшего сына, которому папа с мамой обещали поездку в Казанский аквапарк. Уже и номер в гостинице был забронирован. Поскольку извергом я не был, если не принимать во внимание мнение моей бывшей жены, то в Николаев лететь предстояло мне. «Эй, товарищ, кто здесь крайний? Я хочу в авиалайнер!» Спасибо Александру Розенбауму за возможность выразить настроение одной строкой! – думал.

Оповещая своих – бывшую жену и дочь – на вопрос, куда лечу, ответил: «Почти в Одессу!» Они решили, что я не упущу случая заглянуть к родственникам. То есть, обратно скоро не ждать. Я и сам так думал. Но Феликс оказался коварен! В этот раз он надыбал такое количество текстолита, фторопласта и винипласта по разным точкам, что всего просто не смог оплатить и свезти к себе на складик. Поэтому он возил меня по своим поставщикам, чтобы я лично тыкал пальцем в товар, что берем, чего не берем. И я тыкал. На «тыканье» ушла вся рабочая неделя. Потом пришлось возвращаться в Нижний, чтобы ждать и встречать машину, которую отправит Феликс. В Одессу так и не попал, хотя доехать до нее от Николаева было всего ничего.

Оказавшись в пятницу, поздно вечером, наконец, дома, я первым делом раскрыл ноутбук. Чего греха таить? Всю командировку я возил с собой в душе романтическое настроение и надежду увидеть письмо от Томки-Котомки на сайте знакомств. Готовился, если не найду, отписать сам, следуя старой мудрости про гору и Магомета. Но они были, ее письма, были, были! И не одно.

Тамара начала мне писать уже во вторник. Потом писала еще. Даже успела рассердиться, или сделать вид, за то, что не отвечаю! В последнем послании она приглашала меня в субботу в кино. Вот так. Она меня приглашала! И, если я буду настолько невежлив, что и на это письмо не отвечу, обещала больше никогда-никогда не писать.

Я страдальчески усмехнулся: опять нестыковка! В субботу я должен идти на девятый день Гали-Биржи. Пришлось оправдываться, мол, только что вернулся из командировки, накопились дела, извиняюсь, прошу перенести поход в кино. На этот раз не на понедельник – день тяжелый, а на воскресенье. Обещал позаботиться о билетах.

Вика просила приехать на поминки попозже, чтобы посидеть подольше по-родственному после всех. Хотя мы с Варей и постарались не торопиться, но, добравшись до Вики, увидели, что предыдущая смена еще не встала из-за стола. Не хотелось сидеть в углу, как бедным родственникам. Правда, богатства я не нажил, не считая того, о котором пел Вахтанг Кикабидзе, но все равно решил пройти пока на лоджию. Как понял, мужчины выходили сюда покурить. Некурящие соотечественники день ото дня становились все более воинственными, – в подъезд с сигаркой не сунешься!

Как только оказался на лоджии, тотчас мелькнула мысль: здесь-то все и произошло! Рамы остекления – вот они, стоят под стеной. Для чего их сняли? Чтобы белье лучше сохло? Веревки под потолком сейчас пустовали. В углу стоял табурет. Тетя Галя хотела развесить белье, встала на табурет, держа в руках тяжелые мокрые простыни... – Воображение услужливо рисовало картину несчастного случая. Я потрогал руками табурет. Вообще-то он был крепкий и вполне устойчивый. Правда, я еще не пытался на нем стоять. Кажется,

еще чуть-чуть и попробовал бы, но на лоджию вышла Варя. Осмотревшись, она высказала вслух мою мысль:

– Зачем они убрали стекла?

– А кто убрал, ты знаешь? – спросил я ее.

– Ну, кто? Дядя Боря, наверное, кто же еще?

– Ну да. Кстати, что-то я его не видел сегодня.

– Тетя Вика говорит, он в отпуске. К родителям, в Белгород, уехал.

«Вот как? – подумал я. – Девяти дней не прошло, как тещи не стало, а он уехал отдыхать?..» Бесполезно было гадать, как бы я поступил на его месте. По моему внутреннему убеждению, тещи должны были бы жить дольше своих зятьев. Особенно, если они обитают на одной жилплощади. Случай Бориса можно было считать исключением из общего порядка. Варе своих мыслей высказывать не стал, поскольку не был уверен, что хочу, чтобы дочь переняла от папы в полной мере его манеру шутить. Тем более что увидел нечто такое, что сразу сбило меня с неуместно-веселых мыслей.

– Смотри-ка, – указал я Варваре на соседнюю лоджию девятого этажа. Она располагалась в доме, под прямым углом примыкающем к тому зданию, в котором находились сейчас мы с дочкой. – Там тоже траур.

На лоджии стояла женщина в черной косынке. Она смотрела вниз невидящими глазами.

– Так это же, папа, мать Пашки Бугрова, – тихо сказала Варя, – которого убили.

– Он там живет... то есть, жил? – спросил я. – Вот оно что... Как только она держится, бедная женщина?... – Произнося это я, признаться, поймал другую мысль, и она обожгла мозг! Значит, с лоджии Бугровых нас тоже было видно! Правда, мать Пашки сегодня нас, кажется, даже не заметила, потому что взгляд ее был направлен внутрь себя. Но это не значит, что с того же места не мог увидеть лоджию Гали-Биржи сам Пашка, тогда еще живой и здоровый. Но, видел он, конечно, не нас, а... как Галя-Биржа падала на землю! Вдруг такое было?! А может быть, парень не просто увидел, что Биржа в самом деле «не сама», но и... все заснял на новый смартфон, недавно подаренный родителями на день рождения? Он ведь не выпускал смартфон из рук!

Я захотел уточнить у Вари: это Пашка Бугров был в ту-совке на Музее района с новым смартфоном, я правильно запомнил? Или его друг?.. А может, они оба вместе случайно оказались тогда на лоджии у Бугровых? Что если преступник в последний момент их заметил? Посулив хорошую награду за молчание, договорился о встрече и избавился от свидетелей?.. Или, может, еще круче? Преступник их не видел, но ребята, насмотревшись боевиков по телевизору, решили заработать шантажом? Не приняли во внимание, что даже в кино шантажисты обычно плохо кончают?.. Тогда они должны были знать преступника в лицо, иначе с кого спрашивать выкуп, с чужого дяди? Или не знали, но как-то узнали, кто он. Вполне вероятно, преступник потребовал с пацанов до-

казательство, что они не блефуют. Те прислали ему копию записи, и он без труда определил, откуда она велась. Когда личности шантажистов перестали быть тайной, торговля пошла в открытую. Пацаны думали, что Мишкина овчарка станет гарантией их безопасности? Не стала. Неизвестно, имелись ли у преступника деньги, а вот пистолет с глушителем нашелся. Что там, Варя говорила, пропало на той квартире, где произошло убийство? Ноутбук, планшет, видеокамера? Преступник нашел все, на что могла быть сделана или скопирована изобличающая его запись. Ну, а деньги и ценности прихватил для отвода глаз, или так, заодно. Чего добру пропадать?..

По окончании посиделок я смог задать Варе свой вопрос – Краса, а это Пашка Бугров был с новым смартфоном на Музее района, я правильно запомнил? А к Мишке вы с Наташкой ездили в студию песни петь?

– Да, а что?

– Нет, просто спросил.

К счастью, Варя мыслями была уже у Наташки, к которой собралась идти, поэтому не стала докапываться до смысла моего вопроса.

«Интересно, если я с новорожденной своей версией приду в полицию, меня там далеко пошлют? – думал я. – Если узнают, что сам являюсь сочинителем детективных романов, вероятно очень далеко!»

Времени до начала сеанса было достаточно, когда мы встретились с девушкой из компьютера. Едва справившись с волнением от вида «новой» Тамары в новом наряде, я пригласил ее в ближайшую кофейню. Тамара жутко заинтересовалась моей командировкой – где был, что видел? Чем я вообще занимаюсь? А то весь прошлый вечер мы с ней будто провели в пионерском лагере... Пришлось отвечать на вопросы, куда деваться? Объяснил, что занимаюсь я ловлей блох. То есть раньше это называлось бизнесом, а теперь так, как я сказал. Рассказал про Феликса и мое «тыканье» пальцем в Николаеве. Она слушала с живым интересом и даже ни разу не зевнула. Я, во всяком случае, не заметил. Никак не думал, что в разговоре с дамой придется произносить такие «скучные» слова, как «фторопласт», «винипласт», «текстолит». Мне казалось это ужасней, чем ненормативная лексика.

Ненормативной лексикой был нашпигован фильм, который мы потом смотрели. Отечественного производства, он угнетал своей реалистичностью. Просто кусок жизни, полная безнадега. Картина номинировалась на «Оскара» и вызвала в средствах массовой информации дискуссию о допустимости этой самой ненормативной лексики в художественных произведениях. Тамара захотела узнать мое мнение на сей счет.

– О чем тут спорить? – недоумевал я. – Режиссер никого не удивил. Словарный запас любого школьника богаче то-

го, что мы слышали в кино. Давно известно, мат нужен для связки слов. Кому можно посочувствовать, так это депутатам, журналистам и прочим публичным людям (публичные женщины не в счет). Лишенные возможности говорить так, как хочется, они выглядят, будто на уроке русского языка в первом классе, со своими растянутыми гласными: «А-а-а... Э-э-э...» «Сегодня ... а-а-а... на пленарном заседании... э-э-э... был поднят вопрос... а-а-а.....» Могли бы они выражаться, как с детства привыкли, всем стало бы легче... Правда, лично я стараюсь попусту не сквернословить, хотя бывают такие ситуации, что сам удивляюсь, как мне это удастся? От тебя я тоже за два вечера не услышал еще ни одного худого слова, – сделал я комический комплимент Тамаре. – Но, это, вероятно, потому, что повода пока не давал...

– А я боюсь грубых мужчин, нецензурно выражающихся, – с особенной улыбкой призналась Тамара. Глаза ее при этом потемнели.

Я захотел ощущать себя грубым мужчиной, способным нецензурно выразиться, которого следует бояться. Но, Тамара, кажется, видела во мне лишь бывшего вожатого. Она втянула меня в дружескую беседу. Захотела все про меня узнать. Ее интересовали дома, которые я построил, деревья, которые посадил, и дети, которых вырастил. Стало смешно и грустно: Котомка словно пыталась найти во мне выдающегося человека, даром еще тогда, в пионерском лагере, влюбившего в себя всех девчонок второго отряда. Боялся, ничем не смогу

оправдать ее надежды.

– Сама-то ты как? – в свою очередь любопытствовал я. – Почему ушла из большого спорта?

– Потому что поняла, лично у меня он все равно останется маленьким... Окончила институт. Строительный. С красным дипломом, между прочим! Работала в «Газпроме».

Я присвистнул.

– Хотела сделать карьеру... на свой манер. Пока я была в длительной командировке, от меня ушел муж.

Меня это взволновало. Я стал задавать вопросы:

– Что же он не поехал с тобой?

– Только этого не хватало! – странно усмехнулась Томка.

– Ты была за границей?

– Нет, у нас. На Севере, – она вздохнула и, как это умеет русский человек, в одном вздохе выразилась вся суровая романтика прежней жизни и те издержки, которые неизбежно ей сопутствовали.

– А почему ты развелся с женой? – спросила она меня.

– Я с ней не разводился. Разве мог я взять на себя такую ответственность – оставить женщину одну, пропадать в этом холодном мире? Она со мной развелась.

– Почему?

– Потому что я ей все время отказывал.

– ???

– Не хотел делать евроремонт, не хотел отдыхать за границей, не хотел, чтобы все было, как у людей. Пусть лучше

люди помечтают, чтобы у них все было, как у меня... У меня были средства, но я не хотел.

– А чего ты хотел?

– Чего хотел?.. Конструировать мебель своими руками. Ездить на рыбалку. Заниматься спортом. По вечерам – читать книги и находиться как можно дальше от телевизора, из которого мне лезет в уши то, что я не хочу слушать. То есть, подальше от того места, где находилась Зинаида, получалось так. В общем, я был чудачком, клоуном. За такого мужа перед подругами стыдно... Словом, ты сама понимаешь, что от нормальных мужей жены не уходят, – решил я поиграть в самоуничтожение.

– А от нормальных жен – мужья, – улыбнулась Котомка.

Вечер, очевидно, так и должен был закончиться – дружески. Я понятия не имел, как выйти из роли вожатого. А выйти хотелось!

Тамара предложила сходить вместе в бассейн. Там можно взять разовый абонемент.

– Это отличная идея! – восхитился я. – В бассейне я не был еще дольше, чем в кино. Ты мне просто мир заново открываешь!.. В детстве я посещал секцию водного поло, но потом нашего тренера забрали в армию. В «морские котики», должно быть. И все закончилось. Правда, после я еще много, чем занимался.

– Я помню, как ты на турнике «солнышко» крутил!

– Да, было дело! – рассмеялся я. – До сих пор люблю на турнике поболтаться. Наверное, мои предки действительно произошли от обезьяны. В ближайшем спортгородке, куда бегаю по утрам, есть такая высоченная и длинная лестница! Мало кто, кроме меня, может ее всю пройти на руках, только сумасшедшие пацаны. Кто такую установил, понятия не имею. Вероятно, бывший парашютист... Так значит, завтра я за тобой заезжаю? Во сколько?

– Вообще-то у меня своя машина есть, – решила Котомка похвастать в ответ на мою браваду. – Вот она стоит. – Я увидел чистый, будто только что из автосалона, аккуратненький хэтчбэк.

– Ну-ка, ну-ка? – Я подошел к машине поближе. – О! Клевая тачка!.. Хм! А бейсбольная бита в салоне зачем? Что, уже были случаи?..

– А то! – засмеялась Тамара. – Одна тетка за мной до приезда «гаишников» вокруг машины бегала после мелкой аварии с ее «корытом». Бегала с такой вот штукой! – Она указала на биту. – Решила тоже завести, чтобы было чем фехтовать в другой раз.

– О времена, о нравы! – воскликнул я.

– Но, если хочешь, заезжай за мной, – разрешила Тамара. – Будем дорогой о чем-нибудь разговаривать.

Она назвала время.

– Конечно. До завтра! – Я легонько встряхнул ее руку. «Томка-Котомка! Надо же, завтра мы идем в бассейн!» – ли-

ковал, отъезжая от ее дома.

Поставив машину в гараж, я не пошел домой, а решил побродить по ночному парку, мысленно поздравив святого Валентина. Очевидно, в его армии одним олухом стало больше... Я шел по дорожке над откосом, охватывая взором панораму нижней части города, той, что за рекой. Она вся была в огнях. «Как-то стало весело у нас по ночам, будто днем! – думал. – Горят фонари, по проспектам машины ездят. В парке людей хоть и меньше, чем днем, но они есть. Вероятно, все наши, – «олухи». Даже на речке, по льду, ползали какие-то белые огоньки, немного не доползая до середины, где черная вода еще не замерзла. Дошло – рыболовы! Дня им уже мало, по ночам рыбе спать не дают! Мы с Генкой – соседом – тоже увлекались, но до ночной рыбалки дело еще не доходило. Надо будет ему сказать, – подумал я, поворачивая к дому.

С Варварой мы виделись довольно редко, хоть и жили в одной квартире. Обычно, когда дочь возвращалась вечером домой (если возвращалась), я уже спал. Когда утром я уходил на работу, она еще спала. В этот раз мы поменялись ролями. Варвара и Валентин встречали меня.

– Где был? – спросила Краса.

– Гулял. – Я отвел глаза на Валю и почесал его за ухом. Котик запел. – С героиней романа, – продолжил я, не дожидаясь следующего вопроса. И рассмеялся: – Знаешь, кем она

оказалась? Моей бывшей подопечной из пионерского лагеря! Помнишь, я тебе рассказывал про «Дружбу»?

– Здорово! – тоже рассмеялась Краса Длинная Коса. – Она, наверное, была в тебя влюблена.

Я подивился незаурядной проницательности двадцатилетнего ребенка:

– Ты откуда знаешь?

– Так я сколько по лагерям и турбазам ездила, благодарю вас с маманей?

– Тоже в вожатых влюблялась?

– Не без этого... – вздохнула девушка с богатым жизненным опытом. – Ладно, спокойной ночи! – Она собралась удалиться к себе, но вдруг обернулась:

– Да, представляешь, папа? Оказывается, в квартиру Паши Бугрова тоже залезли, – я только сегодня узнала.

– Вот мерзавцы! Здорово поживились?

– Да нет. Чего у них брать? Сейфов с бриллиантами не держали. Практически, тот же набор, что и у Вахрушевых: немного денег, да то, что можно в руках унести: ноутбук, цифровик – фотоаппарат... Системный блок от компьютера не поленились прихватить. Монитор оставили...

Я качал головой, а сам думал: «Не получил ли я только что подтверждение своей версии? Преступник не нашел у Вахрушевых «своей» записи, и полез за тем же к Бугровым?.. Что, если и у Бугровых ему не повезло? Могли ведь пацаны подстраховаться, отдать кому-то запись на хранение? И ведь,

наверное, предупреждали душегуба об этом, но тот им не поверил. А может и не успели предупредить. Он сразу стрелять начал...» – Я поймал себя на том, что зеваю. К стыду своему должен был признаться, что вовсе не о каких-то преступлениях хотелось нынче думать сочинителю детективных романов.

Это теперь понастроили оздоровительных центров и продолжают строить, а во время моего детства в бассейн «Дельфин», куда мы приехали с Тamarой, попасть стоило трудов. И в водное поло я записался тогда только ради возможности плавать зимой, а вовсе не из-за тяги к этому виду спорта.

Постояв под горячими струями, вышел из душевой в огромный зал бассейна, увидел прозрачно-голубую воду, натянутые дорожки, вышки с той стороны, где глубина, и испытал радостное возбуждение. Словно вернулся в детство!

Свою русалку не сразу узнал в розовой резиновой шапочке. Найдя глазами меня, она быстро подошла и встала сбоку, словно мы обязаны были построиться в одну шеренгу.

– Не смотри на меня, я почти голая! – сказала она мне. Такое начало разговора мне понравилось.

– Хм! Мой наряд вдвое скромнее, – заметил ей. – Или откровеннее. Как поглядеть...

Она посмотрела на меня потемневшими глазами. Неужели сегодня я, наконец, стал похож на одного из грубых мужчин, которых она боится, а не на вожатого?..

– Ну что, плавать пойдем, или будем разговаривать? – спросила Томка меня. Ей, очевидно, хотелось поскорее забраться в воду, где ее, «почти голую», будет меньше видно. У нее была прекрасная фигура, сколько я успел оценить. Не гусеница на ходулях, а танцовщица индийского кино! – мне не в первый раз приходило на ум это сравнение. Вероятно, танец живота в ее исполнении выглядел бы обалденно! Живота, кстати, не было.

– Ты что, комплексуешь?! – спросил я ее, понизив голос. – Ты же выглядишь сногшибательно. Я, правда, чуть не упал!

– Не ври. Я толстая.

– Ты?!!

– Все, пошли, пошли! – Она взяла меня под руку и потащила к лесенке. – Ты первый!

Обычно в воду я захожу очень медленно, как неженка, поеживаясь и постанывая. Перед лицом прекрасной дамы пришлось изображать толстокожего бегемота и, сцепив зубы, нырять рыбкой,

затем энергично работать руками, чтобы согреться. Русалка догнала меня лишь в конце дорожки, где я ее поджидал.

– Для человека, бывшего в бассейне до этого сто лет назад, ты довольно быстро плаваешь! За тобой не угонишься! – похвалила она меня радостно, стараясь отдышаться.

– Ну, летом-то я все-таки плаваю. В речке, в море... Мне только в цифрах плавать нельзя. Но, о работе не будем.

– В работе можно утонуть, если нырнуть в нее с головой.

– Или сгореть на ней – парадокс!

– А то и погореть. Смотря, какая работа.

Я взглянул на Тамару с интересом:

– Хорошо, нас не слышат спасатели, пожарные и полицейские, понимающие такие вещи буквально... Еще дорожку?

– Обязательно!..

– Ты молодец, в форме! – сделал я Тамаре комплимент. – Гимнастикой давно перестала заниматься?

– Давно. Поняла, что не всем дано. Да и здоровье следовало побереечь... Однако на шпагат до сих пор сесть могу, – похвасталась она.

– Надеюсь, в жизни тебе это не пригодится... Я тоже в институте занимался боксом, но однажды решил, что голова мне еще пригодится для другого. Не только, чтобы по ней били.

– И как, пригодилась?

– Ах ты, язва! Я тебя!..

Тамара взвизгнула и принялась от меня уплывать, я – догонять.

– Эй, ты что меня за ноги хватаешь?! – делано возмутилась она. «За ноги» – слишком громко было сказано. Я ее всего лишь за щиколотку ухватил.

– Я с тобой заигрываю!

– Да это уже домогательство называется!..

Мне нравилось, что Томка-Котомка любит пошутить. Не

девушка – мечта. Я всю жизнь хотел встретить красивую, умную и веселую, и почти уверился, что таких не бывает. Если красивая, то неумная. Если умная, то некрасивая. Если умная и красивая, то не веселая... Но чаще всего встречались не особо умные, не слишком красивые и совсем не веселые. Возможно, это я на них так действовал... В стройотряде у нас жила собака по кличке «Уксус» – к чему-то вспомнилось...

Наплававшись, я, вероятно, слишком долго растирался полотенцем в раздевалке. Когда вышел, Тамара уже прохаживалась в вестибюле и разговаривала по телефону.

– Нет, Артур. Сегодня я занята.

«Конечно, случается, что дамы у нас берут себе мужские имена – «Жасмин», «Максим»... – подумал. – Чтобы девушку звали «Артуром» я еще не слышал. Стало быть, Тамара разговаривает с мужиком. Только что я принимал горячий душ, а теперь судьба решила обрушить на мою голову холодный?..»

– Артур, не сегодня. Я сама перезвоню. – Тамара увещевала неведомого Артура так же мягко и женственно, как разговаривала со мной. «Ну, а ты бы что хотел? – мысленно сказал себе. – После пионерлагеря «Дружба» и до вашего совместного посещения кафе она жила, и до сих пор живет, своей жизнью, никак тебя не касающейся. У нее есть сын, бывший муж, этот вот Артур, если только это не одно и то же лицо.

Если так, то еще ладно бы...»

В этот момент Тамара увидела меня и быстро свернула разговор. Она не подумала объяснять, с кем общалась, а я, разумеется, не пытался спрашивать. Это было неважно. Не смотря ни на что, сейчас Тамара была все-таки со мной, а не где-то там, где она блистала раньше без своего бывшего вожатого. Я чувствовал себя на подъеме. Ледяной душ пролился мимо! Всю дорогу, пока я вез ее, Котомка старалась меня разговорить. Вероятно, догадалась, что я услышал, с кем она судачила по телефону... Я лишь посмеивался про себя.

Словно в оправдание моего оптимизма, Тамара пригласила к себе.

– Ты меня с мамой познакомишь? – догадался я, помня, как она меня поддела с «брудершафтом» у кафе «Олень».

– С тетей, – улыбнулась Котомка.

– Угу, – сказал я с такой интонацией, мол, весьма польщен. Тамара приложила брелок к домофону, «гора», как в прошлый раз, «родила мышь», мы вошли в подъезд. Поднялись на третий этаж, Тамара открыла дверь, мы оказались в довольно просторной прихожей. Я увидел несколько дверей, лестницу-стремянку, приставленную к стене в одном месте, в другом – коробки из-под бумаги для ксерокса, в каких, как учит история отечественной демократии, удобно выносить наличные деньги из Дома правительства. Тут коробки были забиты всякой мелочевкой, типа расчесок-мочалок. Возникло ощущение: то ли в квартиру недавно вселились, то ли

здесь производят ремонт.

– Тетя Таня, мы пришли! – возвысила голос Тамара. Одна из дверей открылась, и появилась высокая худощавая пожилая леди, как я мысленно ее назвал, с седыми волосами, собранными сзади в пучок, одетая в фирменный спортивный костюм. На носу очки, в руке – газета, которую она, очевидно, только что читала.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Познакомься, тетя Таня, это Василий. Я о нем тебе говорила, – представила меня Тамара.

– Пионервожатый второго отряда, – отрекомендовался я.

– Взвейтесь кострами синие ночи? Мы – пионеры, дети рабочих? – спросила тетя, переводя взгляд поверх очков с Котомки на меня.

– Тот не знает наслаждения, кто картошки не едал, – подтвердил я.

– Меня называли орленком в отряде, враги называли орлом, – жалобно пролепетала Тамара.

– Я не люблю отряды, – сказала тетя Таня. И, не меняя выражения, добавила: – Чайник вскипел, – после чего удалась. Мне показалось, что пионеры были Томкиной тетке не по душе. То ли от того, что они наших били, если верить кинематографической классике, то ли по какой другой причине. «Странная тетя», – подумал я.

– Она, случайно, начальником смены в лагере не работала? – спросил тихонько Тамару.

– Что ты! Ей такое не скажи, – испугалась Котомка. – Не была она никаким начальником. Совсем наоборот.

Что может быть «наоборот» я не понял, а уточнять не стал. Если бы мне предложили угадать профессию Тамариной тети, я бы предположил, что она бывшая учительница (а может быть, и не бывшая), которой сильно надоели глупые ученики, а особенно – их родители.

– Проходи в мой кабинет. – Тамара отворила одну из дверей. – В гостиной у нас ремонт, – махнула она рукой на другую дверь. Я угадал. – Сейчас сделаю чай с лимоном. После спорта – классно! Или ты будешь кофе? Чай? Хорошо.

В комнате, которую Тамара назвала своим кабинетом, тоже были какие-то коробки. На диване лежали запакованные прозрачные пакеты с одеждой. Рядом с компьютерным столом стоял самый настоящий кульман, и у меня, бывшего железнодорожного конструктора, сердце екнуло. Разве может компьютерная графика заменить шуршание рейсшины по ватману? Это же, как чтение живой, а не электронной, книги! – подумал. На доске был приколот чертеж какого-то помещения. Я уже знал, что Тамара работает дизайнером.

– Как тебе мое рабочее место? – спросила она, появляясь с подносом. – Правда, уютненько? Некоторый беспорядок, конечно... – Она прибрала с дивана пакеты с одеждой. – Но лучше, чем жить с родителями. Они до сих пор пытаются меня воспитывать.

– А тетя Таня?

– Тетя Таня – нет. Даже разрешила мне женихов водить. При условии, что и ей кого-нибудь подыщу.

Я обернулся на закрытую дверь кабинета, потом посмотрел на Тамару с испугом:

– Надеюсь, я не для того здесь?..

– Нет-нет!!! – засмеялась Котомка. – Своего вожатого я никому не отдам!

Я внимательно посмотрел на нее. Она вдруг поняла, что сказала, и, подойдя близко, положила мне руки на плечи. Глаза ее потемнели, как, я уже не раз замечал, прежде бывало. В ответ я положил ей руки на талию. Но, поскольку музыка не играла, то мы не закружились в танце. Все пошло по другому сценарию. Причем, стремительно! Я стал целовать ее в губы, в шею. Аромат ее духов свел меня с ума. Она все же сумела через мое плечо дотянуться до выключателя и потушить свет...

Когда ураган миновал, я обрел способность соображать, подумал, что у Котомки давно никого не было. А может быть, это я передал ей своего нерастраченного огня. Если же она всегда такая, то это что-то!.. Следующая мыслишка была довольно ехидная. Я нехстати, да еще – к ночи, вспомнил Вику. Мысленно плюнул трижды через левое плечо на всякий случай. И сделал вывод: какие, однако, инициативные дамы пошли! Есть в этой беде под названием «эмансипация» и хорошие стороны... От этой глупости я развеселился.

– Что ты ржешь? – спросила Тамара. – Я едва живая... Я

– в душ.

Полутру, накормленный завтраком, я решил, что пора и честь знать. Перед работой следовало еще заскочить домой, приветить Котика, оставленного мной вчера без ужина. Варвара, судя по всему, дома не появлялась, иначе позвонила бы узнать, где я, собственно, пропал. Пришлось бы находить приличную формулировку для своего неприличного поведения. Дочери не объяснишь, что я не пропал, а, можно сказать, заново родился...

Я одевался в прихожей, когда тетя Таня, улучив момент, сказала мне, посмотрев поверх очков:

– Томку мне береги!

Хотел спросить: «В каком смысле?» – но лишь сказал:

– Обязательно.

– Я не шучу, – зачем-то добавила тетя Таня и ушла к себе.

С Варварой мы столкнулись носом к носу возле подъезда.

– О, папа! А ты чего – домой, а не из дома?

– Вспомнил, что Котика не покормил, – сказал я истинную правду. Но, не всю... О том, что я думал скрыть, Варя тотчас догадалась, едва мы вошли в дом, поскольку Валентин лишь под зеркалом мог сидеть словно игрушечный. Во всем остальном он был самым обычным котом, и ничто кошачье ему не было чуждо. К сожалению.

– Ха! Ты не только не кормил, но и не убирал за ним! –

воскликнула юная обличительница.

– Ты тоже, – заметил я, чтобы не сильно задавалась.

Я хотел улизнуть, обиходив Валю-Котика, но Варвара не дала:

– Папа, стой! Может, довезешь меня до «универа»? Я только переоденусь. Пять минут.

– Изволь, – попался я, как пацан. Совсем забыл, что минуты, они тоже делятся по половому признаку – мужские и женские. У Варвары Васильевны «пять минут» растянулись на полчаса, пока я палил горючку перед подъездом.

– Поехали, – как ни в чем не бывало, разрешила она, плюхнувшись на переднее сиденье.

– В следующий раз, если будешь столько копаться, не я буду ждать, а ты. Трамвай. На остановке. Потому что я уеду.

Краса пропустила мою угрозу мимо ушей.

– Можно я диск поставлю? – спросила она через некоторое время. – Это группа Мишки Вахрушева «Супертаракан».

В ином случае я бы, наверное, предположил, что основатель группы, вероятно, выразил в названии то, что у него в голове, но, в свете известных событий, не стал.

– Поставь, – согласился, сразу меняя настроение. Укорила совесть. Подумал, пока я кручу роман, то, что хотел проверить, так и не проверено, и время уходит. А погибли, между прочим, не чужие люди. Тетка бывшей супруги, знакомые дочери. А даже если бы и чужие?.. Вполне возможно, что я

единственный человек, имеющий реальную версию преступления. И, как говорят десантники, если не я, то кто? Или, они говорят: «Никто, кроме нас»? В принципе, это одно и то же.

По ассоциации вспомнил Бориса в берете и берцах, когда мы ходили возвращать деньги его тещи. Хорошо, не засмеялся, – оскорбил бы Варькину грусть. Это без шуток. «Почему-то память довольно часто увиденное возвращает в виде карикатуры», – подумал.

– Краса, а ты можешь договориться, чтобы меня пацаны пустили на свою репетицию? – спросил дочь, прослушав пару песен, но, если честно, совершенно не вдумываясь, о чем они. – Скажи, что я их фанат.

Варя посмотрела внимательно на мой профиль, – я сосредоточенно вел машину, – и возразила:

– Папа, ты не похож на фаната. Но, я договорюсь. Хочешь новых впечатлений для книжки?.. – по-своему поняла меня Варвара. – Сегодня среда. У них должна быть «репа» в ДК имени Чехова. Пойдешь сегодня? Я позвоню Олегу. Это их солист и вообще – лидер.

Я всегда придерживался принципа: «Не надо откладывать на завтра то, что можно потратить сегодня», – поэтому тотчас согласился, чтобы дочь позвонила.

Решил, что сегодня моя очередь развлекать свою любовь и позвонил ей с работы, когда Голобородов укатил на склад.

– Планы на вечер? – спросил я ее. – Никаких? Есть предложение – закачаешься! Приглашаю тебя на репетицию рок-группы. Как называется? «Супертаракан»! Не слышала такую? Да ты что! Она уже стадионы собирает! Правда, пока – в Нижегородской области, в летних лагерях. Ну, ты знаешь. Однако лиха беда начало. Так, как? Вот и я говорю – любопытно...

Кудрявый малый, наголову выше меня ростом, при том, что маломеркой я бы себя тоже не назвал, встретил нас с Тамарой на входе в студию. Услышав пароль: «Мы от Вари Снигиревой», – спросил меня:

– Вы ее отец, да?

– А что, не похож? – улыбнулся я. – В истории это случается. Например отца Карла Великого звали Пипин Короткий.

Парень хмыкнул, приглашая нас войти.

– А вы вправду писатель? – задал он новый вопрос.

– Ну, писатель – это Лев Николаевич Толстой, – засмущался я, – ваш покорный слуга – всего лишь сочинитель детективных романов.

Щеку мне жег взгляд Тамары. Ее глаза, кажется, стали шире лица.

– Держи, это тебе, – вручил я парню книжку своего первого романа, изданного в престижном московском издательстве. – Так сказать, визитная карточка.

– Круто! – восхитился он. – А автограф?

– Обменяемся после репетиции. Я прихватил ваш диск. Договорились?

– Окей. Мужики! – крикнул он в сторону сцены. – У нас сегодня гости!

И нам:

– Занимайте места в партере.

Тамара едва дождалась, пока Олег нас оставит, и сразу набросилась на меня:

– Это что, была твоя книга?! Ты – писатель?!

Мне стало смешно. Кажется, Котомка нашла, наконец, подтверждение тому, что не зря были в меня влюблены все девчонки второго отряда, и она – тоже. Я – выдающийся человек!

– Тома, и ты туда же? Ну, какой я писатель? Писатель – это член союза писателей, общественный деятель, человек, у которого спрашивают мнение по каждому резонансному событию в стране и в мире, от выступления сексуальных меньшинств в Москве до полета на Марс. Даже когда сам он принадлежит к большинству и на Марс лететь не собирается, если и пригласят. Здесь есть, чем заняться... Я пишу так, для души, и чтобы друзей повеселить. Таких писателей, как я, – пруд пруди!

– Нет, среди моих знакомых ни одного не было, – возразила Тамара.

– Теперь есть. Давай музыку слушать!

Тамара просунула свою ладонь мне под локоть, прижалась плечом с задумчивой улыбкой.

Тексты песен группы «Супертаракан» оказались не на шутку сердитыми. Создавалось впечатление, будто нам излагают программу Тузика в отношении грелки. Лучшего, по мнению авторов, этот мир не заслуживает. Словом – юношеский максимализм. Но мелодии, порой, проскальзывали интересные. Кое-что нам действительно понравилось. Тамара даже сказала, что возьмет у меня переписать диск. Будет в машине слушать.

Я размышлял, как половчее подступиться к цели своего появления на репетиции друзей покойного Мишки Вахрушева. К счастью, Олег сам мне перекинул мостик, о том не ведая. После того, как на диске расписалась вся группа, он мне сказал:

– Жаль, не сможет расписаться Мишка. Здесь каждая композиция записана с его участием...

Пацаны стали совещаться, кто сможет заехать завтра за инструментами. На такси, видно, денег не нашлось. Я предложил свои услуги, не откладывая до завтра. Их приняли. С нами поехал Олег – гитары и прочее следовало доставить к нему домой. Я помог донести инструменты до квартиры и задал вопрос, который хотел:

– Олег, ответь, вы с Мишкой Вахрушевым были близкие друзья?

– Ну как сказать?... Играли вместе. Они больше с Пашкой

Бугровым корешились. Пашка бывал у нас на репетициях, но с музыкой у него не ладилось. Медведь на ухо наступил, как говорится.

– Только с Пашкой?

– Ну, еще с Вованом Тальниковым, Пашкиным соседом. А зачем вам? А! Я понял. Пацаны погибли, хотите детектив написать?

– Даже в мыслях не было! – опроверг я. – Дело в другом. Кажется, я догадываюсь, за что ребят убили. Осталось выяснить, кто?

– Хм! Менты не догадываются, а вы догадываетесь?

– У меня накануне убийства парней родственница погибла. Полиция никак не связывает эти смерти. Я и сам чисто случайно натолкнулся на догадку. Но идти в полицию не с чем. Там просто посмеются надо мной. Надо самому кое-что проверить. Поможешь?

– И что от меня требуется?

– Как найти этого Тальникова? Я хотел бы с ним поговорить.

– Талый сейчас в Египте с родичами.

– А как же учеба?

– Да он школу-то окончил. Работает. В отпуске сейчас.

– Давно уехал?

– Если мне не изменяет память, за день-два до того, как все случилось. Наверное, не в курсе еще...

– Олег, узнай, пожалуйста, когда он возвращается, хоро-

шо? И о разговоре нашем – никому. Договорились?

Отвезя Тамару домой, я вовсе не думал напрашиваться к ней в гости, видя, что дама моя уже спит на ходу. Но она сама молча взяла меня под руку и потащила за собой в подъезд. Кажется, мне стал нравиться мышинный писк их домофона. Вот только Варвара... «После того, как снова не приду ночевать, – подумал, – круги, которые и без того уже пошли по воде, превратятся в волны: папаша кого-то закадрил!» Откровенно говоря, я не имел ни малейшего желания афишировать свою личную жизнь. Не хотелось волновать свою «близкую родственницу» – бывшую жену... Чему быть, того не миновать.

Утром я настолько проспал работу, что решил вообще на нее не ходить. Голобородов, поставленный мной в известность ближе к обеду, тактично не спросил, в чем причина. Иначе пришлось бы ему сказать, что я нашел себе бабу и загулял. Он мне еще за Казанский аквапарк должен!..

«Баба» моя в свою небольшую строительную организацию тоже не торопилась. Призналась, что для дизайнера сейчас работы мало, и она выполняет ее на дому. К шефу только на оперативки иногда ездит. Между тем, я невольно отметил, что моя любовь прежде не бедствовала, судя по нарядам, автомобилю. Да и спортивный костюм тети, насколько я разбираюсь, был куплен отнюдь не на вещевом рынке. Однозначно, в фирменном салоне. Не говоря о квартире в пяти мину-

тах ходьбы от кремля.

Тревожила судьба Котика. Если Варя опять где-то тусила (тяжкое бремя – светская жизнь), то питание Валентина приобретало угрожающую нерегулярность. Поймать мышь он в квартире не смог бы при всем желании. Разве что – компьютерную, дабы выместить на ней свою досаду. К вечеру я покинул гостеприимную квартиру моей бывшей подопечной, чтобы тетя Таня не думала, будто я решил у них прописаться.

Мне показалось, что Котомка весьма уважает свою родственницу. Со мной пожилая леди практически не общалась, поэтому не мог сделать вывод, что она за человек и как ко мне относится. Главное, чтоб валенки не спрятала. В конце концов, она не маменька Котомке, и та уже большая девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.